

**Документы Контрольной комиссии Томского окружного комитета
ВКП(б) о протестах коммунистов против политики партии
в 1920-х гг.**

Ключевые слова: критика политики ВКП(б), контрольная комиссия, личное дело, партследователь, репрессии, Центр документации новейшей истории Томской области, А.Д. Шабалин.

Середина 1920-х гг. – время, когда в СССР постепенно накапливались противоречия между официальной идеологией большевиков и нэпом как рыночной системой, которая, по признанию Ленина, оказалась, «сильнее нас»¹. Некоторые члены партии, видя примеры капиталистического потребления со стороны нэпманов, попытались «конвертировать» свою принадлежность к номенклатуре в различные материальные блага, все дальше отдаляясь от пролетариата, чьи интересы и потребности официально признавались главенствующими. Старые большевики, вступившие в партию еще до революции, не могли не испытывать недовольства при виде перерождения ВКП(б) в касту бюрократов со спецпайками, большими зарплатами и различными привилегиями. Вот что писал по этому поводу не позднее 24 августа 1920 г. видный член партии, экономист, председатель финансового комитета ЦК РКП(б) и Совета народных комиссаров Е.А. Преображенский: «Мы... должны внимательно отнестись к протесту рядовых коммунистов против систематического их отстранения от влияния на дело партии, реального участия в партийной жизни, против безмерного до издевательства материального неравенства в среде самих коммунистов»².

Всероссийская партийная перепись, проведенная весной 1922 г., выявила сокращение численности коммунистов из среды рабочих до 35 %³. Столь значительные потери партия понесла в ходе Гражданской войны, при подавлении антибольшевистских восстаний и пр. Объявленный Пленумом ЦК РКП(б) 29–31 января 1924 г. «Ленинский призыв» обеспечил к маю ее рост

почти в два раза – до 780 тыс. Численность коммунистов-рабочих составила 55 %. К 1927 г. число членов партии выросло до 890 тыс.⁴ Однако при этом резко понизился общий уровень политической и общей грамотности⁵. Коммунисты «старой закалки», пришедшие в партию до 1920 г., к середине 1920-х гг. составляли доли процента от общей партийной массы. Но именно из этой немногочисленной группы идейных большевиков раздавалась критика в адрес РКП(б), стремительно перерождавшейся в средство тотального идеологического контроля над обществом, подменявшей собой государственный аппарат. Хорошо известен историкам публичный протест против политики партии секретаря райкома г. Перми Г.И. Мясникова (май 1921 г.) и члена ЦК рабочего А.Г. Шляпникова (июль–август 1922 г.)⁶.

Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляют выступления рядовых коммунистов на местах. Ведь обратившись к повседневной низовой партийной жизни партячеек, можно узнать истинные настроения в массах партийцев, понять выносимые на публичное обсуждение мотивы как сторонников выбранного курса, так и его противников. Весьма важно также «увидеть» сквозь документы той эпохи личности протестовавших против системы.

В исследовании данных вопросов могут помочь документы местных контрольных комиссий (КК) ВКП(б). Отметим, однако, что работа с документами партийных органов – задача довольно сложная, поскольку архивные описи содержат, как правило, «глухие» заголовки («протокол собрания №»), перечни же рассмотренных вопросов встречаются не часто. Но именно протоколы партсобраний отражают живую речь участников внутрипартийных дискуссий.

В данной статье приведем результаты тематического поиска по документам фонда Томской окружной контрольной комиссии ВКП(б). Комиссия была избрана на 1-й окружной партийной конференции 2 ноября 1925 г., упразднена в июле 1930 г. в связи с ликвидацией Томского округа⁷. В соответствии с Уставом ВКП(б) окружные КК проводили работу,

направленную на охрану единства партии, укрепление партийной и государственной дисциплины, осуществляли контроль за деятельностью хозяйственного и управленческого аппарата. Корпус документов Томской окружной КК составляют протоколы совместных заседаний бюро Томского окружкома ВКП(б) и окружной КК, президиума, пленумов и партколлегий окружной КК, районных КК; списки, анкеты и характеристики ответственных работников, заявления коммунистов по персональным делам, списки коммунистов, подлежащих чистке, исключенных из партии, заявления и жалобы граждан, а также конфликтные и апелляционные дела коммунистов⁸.

Последние наиболее интересны, поскольку в них приводятся выдержки из протоколов заседаний партячеек (или же копии протоколов целиком), проливающие свет на суть внутривнутрипартийных дискуссий. В целом за 1925–1930 гг. Томская окружная КК рассмотрела 1632 апелляционных дела. Большинство коммунистов (судя по выборочному просмотру дел по описи) подверглось исключению из партии за различные должностные проступки, «бытовое разложение», непролетарское происхождение и пр. Исключение по «идейным» соображениям было, по-видимому, редким явлением, а статистика по мотивам исключения не велась. Поэтому поиск конкретных примеров выступлений членов партии против ее политики потребовал просмотра десятков дел.

В результате было обнаружено личное дело Шабалина Авраама (Абрама) Даниловича⁹, 1890 г. рождения. Убежденный коммунист, бывший участник партизанских отрядов, член партии с 1918 г., Шабалин в своих выступлениях на партсобраниях резко критиковал зажим партийной демократии, отсутствие связи с рабочими массами, превращение партии в паразитическую, по сути, надстройку над обществом. Документы характеризуют его как личность неординарную. Во-первых, он был, по-видимому, прирожденным оратором (хотя его образование исчерпывалось тремя классами начальной школы). Его речь – увлеченная, живая – резко контрастирует с репликами оппонентов, представителей той самой «новой буржуазии» (их выступления в лучшем случае сводятся к шаблонным конструкциям из передовиц «Правды»). Во-

вторых, Шабалин открыто признавался в том, что читал работы Бакунина, Кропоткина¹⁰ и других анархистов и что «некоторые взгляды Кропоткина верны» (это даже в относительно свободные 1920-е гг. считалось изрядной крамолой). В-третьих, он не боялся обсуждать болевые проблемы с беспартийной массой, что в среде коммунистов не допускалось. Человек резкий и прямой, неспособный приспособливаться к обстоятельствам, Абрам Данилович был исключен из партии в 1927 г., подавал апелляцию в окружную контрольную комиссию, но безуспешно.

В апелляционное дело А.Д. Шабалина вошли следующие документы: выписки из протоколов № 34 от 4 декабря и № 26 от 6 декабря 1926 г. закрытых заседания бюро ячейки центрального рабочего кооператива (ЦРК) г. Томска и собрания ячейки ЦРК; протоколы № 1–3 от 20, 24 января и 7 февраля 1927 г. собраний ячейки ЦРК (протоколы включены в дело полностью); выписка из протокола заседания бюро 1-го Томского горрайкома ВКП(б) от 16 февраля 1927 г. На всех шести заседаниях Шабалин выступал с критическими речами. Здесь же подшиты документы, составленные партийным следователем Томской окружной КК ВКП(б) Тюлькиным: протоколы опросов коммунистов из ЦРК, датированные февралем–мартом 1927 г. Всего партследователь опросил четырех человек, в том числе Шабалина. Все документы написаны от руки, практически нечитаемым почерком, что не позволило их использовать в данной статье. Исключением служит заключение, которое напечатано на пишущей машинке. Завершает дело выписка из протокола № 1 от 20 марта 1927 г. заседания партийной коллегии Томской окружной КК ВКП(б).

Выступления Шабалина приведены, насколько можно судить, без купюр, в виде прямой речи, за исключением резолютивной части протокола № 3 заседания ячейки ЦРК от 7 февраля 1927 г., где его выступление дано в изложении¹¹. Часть реплик Шабалина подчеркнута красным карандашом или отмечена на полях чертой (по-видимому, партследователем).

В целом в критике Шабалиным политики партии можно условно выделить два направления: недовольство положением в партии вообще и

обсуждение местных, томских проблем в частности, которые, скорее, были типичными и для других регионов. Так, например, по поводу внутрипартийной демократии Шабалин говорил, что ее нет, «нужно дать нам действительную демократию, а не стоять над нами с плеткой»¹². На нескольких заседаниях интересовался, почему не публикуются полностью речи оппозиционеров Бухарина, Троцкого и приходится «читать между строк, что они хотели сказать»¹³, высказывал мнение о необходимости издания всех материалов партийных заседаний, за исключением посвященных военным вопросам, указывал, что партия разделилась на верхушку – «новую бюрократию» и низы, которые прозябают в нищете. Вообще имущественное расслоение в партии занимало большое место в рассуждениях Шабалина. Так, в одном из них говорится: «Все мы члены партии, члены одной семьи, а живем по-разному. Одни подышают, живя на 18 руб. в месяц и подбирая крохи со стола других. Другие получают по 200 руб. в месяц, жены их ходят на базар с прислугой... В Томской действительности на 85 руб. можно жить с любой семьей, остальные [деньги] нужно отдавать получающим меньше»¹⁴.

Чтение анархистской литературы, как и партизанское прошлое, несомненно, повлияли на взгляды Шабалина (отсюда стремление к выравниванию доходов, призывы к прямой демократии в выборах руководящих органов и пр.). Но насколько глубоко Шабалин усвоил идеи анархизма, будучи самоучкой, из его выступлений не ясно. Во всяком случае сам он не был в этом уверен, заявляя: «Я не хочу отрываться от масс, если бы хотел, я тоже получил бы ответственный пост и получал бы большие оклады, а я этого не хочу. Да, я начитался Бакунина и Кропоткина и теперь не понимаю, кто прав – они или партия»¹⁵.

Шабалин настаивал, что проступки коммунистов, явления бюрократизма, имущественного расслоения нужно обсуждать не только среди рядовых коммунистов, но и беспартийных, сам поднимал эти вопросы в беседах с крестьянами (в деревнях не хватает рабочих лошадей, а «верхушка наша ездит на рысаках»), говорил с беспартийными о пьянстве и мздоимстве в партийных

верхах¹⁶. Именно «агитация» Шабалиным беспартийных и стала предметом недовольства руководства ячейки и райкома. Документы дела передают также возражения оппонентов Шабалина. Например, на его замечание о высоких окладах местной партийной верхушки последовал такой ответ: «Шабалин говорит, что неправильно, когда одни получают 200 руб., а другие – 30 руб., и я говорю – неправильно, но как быть? Чем платить беспартийному спецу 200 руб., пусть лучше свой получает». По поводу же отсутствия внутрипартийной демократии прозвучало следующее возражение: «У него [Шабалина] очень своеобразное представление о порядке выборов, и если по его методу выбирать, то не нужны органы учета в партаппарате, и придется выбирать того, кто случайно попадет»¹⁷.

Основные обвинения в адрес Шабалина сводилась к тому, что он недисциплинирован, оторвался от партии, не признает авторитетов, в том числе вождей. На это Шабалин обычно отвечал, что он, может быть, и заблуждается, но никто еще не смог переубедить его. Однако главной претензией к Шабалину послужило его обращение в поисках правды и справедливости к беспартийным: «[Может] выкрикивать на улице и обращаться к беспартийным массам, где они его поддерживают, говоря, что все плохи, а Шабалин хорош. С беспартийной Смертиной после собрания вел задушевные разговоры, как жиреют наши коммунисты. Таким не место быть в партии»¹⁸.

Протоколы опросов членов ячейки ЦРК г. Томска, проведенных партследователем, повторяют все приведенные выше обвинения в адрес Шабалина; в защиту товарища не выступил никто (хотя ряд опрошенных предлагали заменить исключение из партии строгим выговором). В заключении партследователя сказано: «На вопрос, может ли тов. Шабалин исправиться, он так отвечает: если к нему прикрепят такого товарища, который сумел бы его переубедить, он сможет исправиться. Иначе говоря, у тов. Шабалина отсутствует самое элементарное доверие и уважение к партийным органам и их руководителям»¹⁹. Постановлением коллегии Томской окружной контрольной

комиссии ВКП(б) от 20 марта 1927 г. А.Д. Шабалин исключен из партии как неисправимый²⁰.

Нам удалось проследить некоторые этапы дальнейшего жизненного пути Шабалина. После исключения из партии он работал в системе торговли. В 1937 г., будучи заведующим магазином № 308 г. Томска, арестован и осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах²¹. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Таким образом, фонды контрольных комиссий при ВКП(б), в том числе Томской, могут содержать ценные сведения о настроениях рядовых коммунистов в годы коренных перемен в жизни страны.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М, 1974 г. Т. 44. С. 208.

² РГАСПИ. Ф. 17 «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)». Оп. 86. Д. 203. Л. 3.

³ Воробьев С.В. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг.: сравнительный анализ массовых источников // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 314–323.

⁴ Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 427–428.

⁵ Там же.

⁶ Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков: 1917–1925 гг. Томск, 2007. С. 78–79.

⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 76 «Томский окружной комитет ВКП(б) (1925-1930)». Оп. 1. Д. 5. Л. 99–100.

⁸ Центр документации новейшей истории Томской области: Путеводитель. М., 2000. С. 62–63.

⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 77 «Томская окружная контрольная комиссия ВКП(б) (1925-1930)». Оп. 2. Д. 1333.

¹⁰ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – мыслитель, революционер, панславист, анархист, один из идеологов народничества; Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – революционер-анархист, географ, геоморфолог, историк, публицист, создатель идеологии анархо-коммунизма и один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

¹¹ ЦДНИ ТО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 1333. Л. 24.

¹² Там же, Л. 13.

¹³ Там же, Л. 8, Л. 13.

¹⁴ Там же, Л. 13.

¹⁵ Там же, Л. 22.

¹⁶ Там же, Л. 22.

¹⁷ Там же, Л. 14.

¹⁸ Там же, Л. 22.

¹⁹ Там же, Л. 40.

²⁰ Там же, Л. 41.

²¹ Томск, 1992. Т. 3: Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. С.370.